

5.9.[10.00.00] ФИЛОЛОГИЯ
5.9.[10.00.00] ФИЛОЛОГИЯ
5.9.[10.00.00] PHILOLOGY

- 5.9.1.[10.01.01] АДАБИЁТИ РУС ВА АДАБИЁТИ ХАЛҚҲОИ
ФЕДЕРАТСИЯИ РУСИЯ
5.9.1.[10.01.01] РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И НАРОДНАЯ
ЛИТЕРАТУРА РОССИСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
5.9.1.[10.01.01] RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES OF THE
RUSSIAN FEDERATION

УДК 82-3

**ПЛЕН КАК ПУТЬ К ОСОЗНАНИЮ СВОЕЙ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ЦЕЛИ ЖИЗНИ
В ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА «КАВКАЗСКИЙ
ПЛЕННИК»**

**АСИРӢ ҲАМЧУН РОҲИ ДАРКИ ФАРДИЯТ
ВА ҲАДАФИ ҲАЁТ ДАР ПОЭМАИ А.С.
ПУШКИН «АСИРИ ҚАВҚОЗӢ»**

**CAPTIVITY AS A WAY TO REALIZE ONE'S
INDIVIDUALITY AND THE PURPOSE OF
LIFE IN A.S. PUSHKIN'S POEM «PRISONER
OF THE CAUCASUS»**

Шадрунова Елена Станиславовна, ГБОУ ВО
«Ставропольский государственный
педагогический институт» (Россия,
Ставрополь)

Шадрунова Елена Станиславовна, МДТБ ТО
«Донишқадаи давлатии педагогии Ставропол»
(Русия, Ставропол)

Shadrunova Elena Stanislavovna, Educational
Institution of Higher Education «Stavropol State
Pedagogical Institute»,

E-mail: rich.girl.istomina@gmail.com

Ключевые слова: кавказский пленник, индивидуальность, поэтика, символика природы, внутренний конфликт.

Целью исследования является комплексный анализ роли темы плена в процессе личностной трансформации и самопознания главного героя. Исследование направлено на выявление и интерпретацию ключевых аспектов, связанных с физическим и духовным заточением, и их влияния на процесс осознания героем себя и своего пути.

Автор детально анализирует метафору плена как средства, через которое раскрывается процесс личностной трансформации и самопознания главного героя поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник». Тема плена и свободы остается чрезвычайно актуальной в современных культурных и социальных контекстах наравне с вопросами личной и общественной свободы, идентичности и самоопределения. Автор отмечает, что анализ внутренней борьбы главного героя поэмы и его пути к осознанию своей индивидуальности через плен помогает раскрыть особенность поэтики произведения, глубже понять психологические аспекты человеческой природы.

Калидвожаҳо: Асири кавказӣ, фардият, поэтика, рамзи табиат, ихтилофи дохилӣ.

Муаллиф истиораи асирро ҳамчун воситае муфассал таҳлил кардааст, ки тавассути он раванди дигаргунишавии шахсият ва худшиносии ҳислати асосии шеъри А.С.Пушкин «Асири Кавказ» нишон дода шудааст. Мавзуи асирӣ ва озодӣ дар заминаҳои фарҳангӣ ва иҷтимоии муосир дар баробари масъалаҳои озодии шахсӣ ва иҷтимоӣ, шахсият ва худмуайянқунӣ ниҳоят муҳим мебошанд. Муаллиф қайд мекунад, ки таҳлили муборизаи ботинии қаҳрамони асосии шеър ва роҳи дарк намудани шахсияти ӯ тавассути асорат ба ошкор намудани хусусияти поэтикаи асар ва амиқтар дарк намудани ҷиҳатҳои равонии табиати инсон кумак мерасонад.

Keywords: Caucasian prisoner, individuality, poetics, symbolism of nature, internal conflict.

The aim of the study is a comprehensive analysis of the role of the theme of captivity in the process of personal transformation and self-knowledge of the protagonist. The study is aimed at identifying and

interpreting key aspects related to physical and spiritual imprisonment and their impact on the process of the hero's awareness of himself and his path.

The author analyzes in detail the metaphor of captivity as a means through which the process of personal transformation and self-knowledge of the main character of A. S. Pushkin's poem «Prisoner of the Caucasus» is revealed. The topic of captivity and freedom remains extremely relevant in modern cultural and social contexts, along with issues of personal and public freedom, identity and self-determination. The author notes that the analysis of the inner struggle of the main character of the poem and his path to realizing his individuality through captivity helps to reveal the peculiarity of the poetics of the work, to better understand the psychological aspects of human nature.

Исследование значения темы плена в поэме А. С. Пушкина «Кавказский пленник» играет важную роль в процессе изучения развития личности героя. Плен рассматривает с точки зрения переходной стадии, разделяющей становление личности на этапы. Благодаря включению в ход произведения данной темы автору удается показать тонкости душевных терзаний и противоречий героя, открывая для него не только новое географическое пространство (Кавказ как обитель свободы), но и иные мировоззрения, чувства, которые еще не были опошлены современностью и светским обществом (благородная жертва Черкешенки). **Объектом исследования** является поэма А. С. Пушкина «Кавказский пленник». **Предметом исследования** выступает тема плена как одна из стадий пути героя к осознанию своей индивидуальности, жизненной цели и возможности обретения абсолютной свободы в поэме «Кавказский пленник».

Для достижения обозначенной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных **задач**:

- Проанализировать образ плена как центральный мотив в поэме и его роль в эволюции личности (переломный момент в мировоззрении героя) и в создании образа романтически отчужденного героя.
- Исследовать психологические и философские аспекты внутренней борьбы героя, его стремление к свободе и обретению смысла жизни.
- Рассмотреть влияние окружающей среды Кавказа на формирование мировоззрения и внутреннего мира главного героя.

Впервые А. С. Пушкина к ссылке на юг привели свободолюбивые стихи в 1820 году. Когда он прибыл к месту назначения в Екатеринославе в мае 1820 года, после купания в Днепре, он заболел лихорадкой. Волею случая, в то же время через Екатеринослав проезжала семья знаменитого героя Отечественной войны генерала Н. Н. Раевского, который направлялся к Кавказским Минеральным Водам. Младший сын генерала — Николай Николаевич был близким другом Пушкина. По просьбе семьи Пушкин был отпущен с ними для лечения на Кавказе [Шадури 1966: 5]. Александр Сергеевич высоко ценил критические замечания Николая Раевского и посвятил ему элегию «Андрей Шень» (1825 г.) и поэму «Кавказский пленник» (1821 г.).

Итогом его первого визита на Кавказ стала поэма «Кавказский пленник», завершенная в 1821 году. Поэт, жаждущий свободы, наконец нашел ее на величественных горных вершинах Кавказа. Общество было глубоко взволновано ярким описанием жизни горцев Кавказа и его природы. Только после публикации «Кавказского пленника» тема Кавказа и изображение жизни горцев становится неотъемлемой частью русской литературы [Малявина 2015: 51].

Поэма «Кавказский пленник» является одним из ярких примеров романтической поэзии. В ней сочетаются элементы экзотики, романтического восприятия природы, и глубокий психологизм. Г. А. Гуковский писал: ««Кавказский пленник» – в полном смысле слова байроническая поэма... что не только характер героя в ней – байроновский, но и построение поэмы, и отдельные мотивы в ней, и самая трактовка темы и стиля связаны с примером Байрона» [Гуковский 1965: 323]. Так сложилось устойчивое мнение, что именно поэмы Байрона, прежде всего «Паломничество Чайльд Гарольда» и «Корсар», оказали наибольшее влияние на Пушкина, а первая из них послужила непосредственным «образцом» «Кавказского пленника». В данном ключе, однако стоит упомянуть, что пленник Пушкина все же отличен от Чайльд Гарольда. Пушкинский герой перенимает от Байрона такие черты как разочарованность в мире и изгнанничество. Но все же пленник имеет и уникальные качества, которые являются следствием преддекабристкой эпохи. Пушкин не идеализирует героя, не оправдывает его и не прославляет. Созданная писателем личность типична для современного ему общества и лишена прямого деятельного начала (можно предположить, что на роль романтического героя более в этом ключе подходит Черкешенка, совершающая самоубийство).

Центральная тема поэмы – это свобода и плен, как в физическом, так и в духовном смысле. Главный герой, русский офицер, оказывается в плену у черкесов, и этот физический плен становится для него символом внутреннего состояния. Он страдает не только от утраты свободы, но и от разрыва

с цивилизованным миром, от невозможности жить полной жизнью. Через историю молодого русского офицера автор раскрывает глубинные психологические и философские аспекты человеческого бытия.

Тема плена в литературе нередко служит способом показать трансформацию личности, вынужденной пересмотреть свои ценности и убеждения в условиях вынужденной изоляции и страдания. В «Кавказском пленнике» Пушкин использует плен как средство для исследования внутреннего мира главного героя, его борьбы за сохранение внутренней свободы и обретения подлинного смысла жизни. Плен становится катализатором для глубоких личностных изменений и духовного роста героя. Переосмысление жизни начинается с момента, когда герой попадает в плен. Автор не случайно использует по отношению к герою выражения «пленник», «русский пленник», «пленник молодой», «раб», «неволя», подчеркивая физическое и моральное состояние лирического героя («Вспомнил юноша свой плен, как сна ужасного тревоги...» [Пушкин 1937: 94]).

Введение мотива плена и его последствий позволяет Пушкину не только описать физическое состояние заточения: «...пленник хладный и немой, / С обезображенной главой, / Как труп, недвижим оставался» [Пушкин 1937: 93], но и погрузиться в более сложные аспекты человеческого существования, такие как свобода, честь, любовь и поиски самого себя. Примером может служить сцена, где герой, оказавшись в бессознательном состоянии, медленно приходит в себя и осознает своё положение: «И долго пленник молодой лежал в забвении тяжелом...» [Пушкин 1937: 94]. Это состояние физической и психологической неподвижности символизирует его начальную потерю связи с реальностью и собственным «я». Образ пленника, находящегося в бессознательном состоянии, подчеркивает тяжесть его положения и психологический надлом.

Особое значение имеет образ Черкешенки. Именно она пробуждает героя от «забвения». Девушка жертвует собой ради его спасения: «Он ловит жадною душой//Приятной речи звук волшебный//И взоры девы молодой//Он чуждых слов не понимает» [Пушкин 1937: 97]. В силу незнания языка герой не может понять речи девушки, однако её появление, голос и доброта к пленному врагу становятся неким оплотом ценностей, которые находятся за пределами таких мирских вещей как ненависть и война. Можно предположить, что она приходит из другого мира, и в этот же мир она зовет героя, котором не будет никаких обязательств и поисков. Так, в данном контексте, мы можем говорить об идее единения людей не по каким-либо религиозным и национальным принадлежностям, а по общечеловеческим, глобальным ценностям (любовь, сострадание, милосердие, жертвенность). В результате чувства Черкешенки ее жертва может расцениваться и как протест против устоявшихся норм, общества. Это делает ее отчасти также романтическим героем [Манн 1995].

Через весь текст поэмы красной нитью проходит контраст между внешней свободой и внутренней несвободой. Пушкин показывает, что настоящая свобода не зависит от внешних обстоятельств, а является состоянием духа. В центре поэмы романтический герой, который разочаровался во всём и бежал из России на Кавказ: «Отступник света, друг природы, / Покинул он родной предел / И в край далекий полетел / С веселым призраком свободы» [Пушкин 1937: 95]. В противоположность «родному пределу», ставшему для героя пространством измены, лжи и суеты, «край далекий» изначально представляется ему идеальным воплощением абсолютной свободы как в ее внешних, так и внутренних проявлениях. Рабство, настигающее его здесь, парадоксальным образом открывает перед ним неожиданные возможности для обретения истинной свободы. Мир, в «родном пределе» открывшийся ему только одной стороной и обнаруживший лишь свое несовершенство, теперь предстает перед ним сложным, многогранным и удивительно притягательным. Влияние встречи с Черкешенкой на героя неоднозначно, но оно определенно присутствует. Ее появление разбивает его «забвение», приоткрывая новый для него мир. Однако при прочтении остается неизменным отчужденность героя, его интерес новым миром, миром «свободы», остается ограничен лишь «любопытством»: «В час ранней, утренней прохлады, / Вперял он любопытный взор / На отдаленные громады / Седых, румяных, синих гор. / Великолепные картины!» [Пушкин 1937: 98] Он ощущает душевное одиночество, отказывается отвечать на чувства Черкешенки и, «казалось, к унылой жизни привыкает». В этом состоит парадокс поэмы – он раб в свободном мире, «дикая свобода» черкесов не понятна ему – ведь новый мир пленил героя лишь «призраком свободы», но никак ни свободой абсолютной.

Поиск оканчивается пленением физическим, которое вызывает в нем душевные перемены и служит толчком для переосмысления жизни и скитаний в целом. Его прежние мечтанья обрести «романтическую» свободу сталкиваются с другой реальностью: *«Свершилось... целью упования / Не зрит он в мире ничего. / И вы, последние мечтанья, / И вы сокрылись от него. / Он раб»* [Пушкин 1937: 95] Как герой романтический, он оказывается за пределами обоих миров – «своего» и «чужого». Нельзя однозначно сказать обретает ли герой ту самую «истинную душевную свободу» пребывая в неволе физической. Иначе по какой причине он покидает то место, которое отчаянно искал? С одной стороны, девушка предлагает ему бегство в мир без обязательств, где они могут быть счастливы. С другой – герой делает выбор в пользу своего Отчества, Родины и общества, в котором ему еще не суждено быть понятным, тем самым продолжая быть романтическим героем. В данном случае можно отчетливо проследить внутренние душевные противоречия персонажа. Он сохраняет свою отчужденность на протяжении всего произведения – с самого его начала и до конца.

При исследовании поэмы важное место занимает окончание произведения. Жертва Черкешенки вызволяет героя из физического плена, однако он вынужден вернуться в мир, где вновь окажется «чужим», то есть его бегство от светского мира не привело к свободе душевной. Он понимает, что ее невозможно приобрести. Однако в одной из последних строф мы можем прочесть: *«Тропой далекой / Освобожденный пленник шел»* [Пушкин 1937: 112]. В результате плен оказывает на героя сильное влияние. Перед ним открывается другой мир – мир высший духовных ценностей, которые он не мог наблюдать в светском обществе. Там они уже утратили свое влияние, но сохранились в этом далеком от цивилизации месте. Именно здесь становится возможно обрести свободу – *«Когда в горах черкес суровый//Свободы песню запевал»* [Пушкин 1937:112].

Герой освобожден из плена, который изменил его, однако будучи в нем свободным сердцем, он и там не смог обрести покоя, оказавшись чужаком и не сумев принять новый мир. Стоит отметить, что поступок героя, а именно его возвращение к русским войскам не мотивировано горячим патриотизмом и любовью к Родине. Скорее напротив, он гоним повсюду, он не сбегает в «идеальный мир» (куда стремятся романтические герои), в котором мог бы быть счастлив с прекрасной Черкешенкой. Он делает выбор и этот выбор быть романтическим героем, а значит оставаться другим, непонятым в реальном мире.

Процесс осознания подчеркивается через взаимодействие героя с черкешенкой, которая, несмотря на принадлежность к пленившему его народу, становится для героя спасительницей: *«Он чуждых слов не понимает; / Но взор умильный, жар ланит / Но голос нежный говорит: / Живи! и пленник оживает»* [Пушкин 1937: 96]. Можно предположить, что Чистосердечная жертва Черкешенки, которая вызвана искренним чувством, по одному из мнений исследователей, заставляет героя вновь задуматься об оставленной им на Родине любви. Он понимает искусственность и фальшивость прежней своей любви и осознает, что есть настоящие чувства и на что они способны толкать человека. Ю. Манн выдвигает предположение, что признание черкешенки, которую пленник не любит, но которая его любит беззаветно, могло отчетливее заставить героя «мыслить о другой» и при этом неосознанно ожидать изменения своей участи [Манн 1995].

Главный герой поэмы – сложный и противоречивый образ. С одной стороны, он мужественный воин, с другой – человек, глубоко страдающий от внутреннего конфликта. Он переживает моменты отчаяния и надежды, пытается понять себя и свое место в мире. Эти психологические моменты хорошо иллюстрируются в сценах его общения с черкешенкой, которая проявляет к нему сострадание и любовь. Однако герой не может ответить ей взаимностью, так как его душа наполнена тоской «неволи», противоречиями и мятежом: *«Тоску неволи, жар мятежный//В душе глубоко он скрывал»* [Пушкин 1937: 98]. Иными словами, герой не способен обрести покой и желаемую «романтическую» абсолютную свободу, даже находясь на Кавказе, который считался ее обителью.

В конце произведения ему удастся скинуть с себя оковы плена физического и высвободиться из цепей прежних заблуждений, однако идол истинной свободы остается им не познан. В этом случае можно сказать, что плен у горцев становится метафорой заблуждения духовного, а освобождение – пробуждение от прежних нравственных устоев.

Кроме «старости души» и «равнодушия к жизни», Пушкин воплотил в этом лирическом образе и страстную любовь к свободе, и ненависть к рабству, свойственные ему самому, и его же собственные страдания от неразделенной любви. Герой противоречив, он полон чувств и стремлений (которые частично утихают в плену, но вновь разгораются из-за поступка девушки) и отчужден от каждого мира – России и Кавказа. Такое сочетание делало характер героя неясным и противоречивым.

Хронотоп в поэме А. С. Пушкина становится важным элементом поэтики, раскрывающим основную идею произведения. Со временем герой привыкает к плену. В этой части текст поэмы

наполнен яркими описаниями природы: «Влачась меж угрюмых скал, / В час ранней, утренней пролады, / Вперял он любопытный взор / На отдаленные громады / Седых, румяных, синих гор» [Пушкин 1937: 98]. На уровне хронотопа прослеживаются душевные изменения главного героя:

1. Прошлое – время до плена на Родине, где он ощущает свою отчужденность.
2. Настоящее – плен становится толчком для внутренних переживаний и переворотов.
3. Будущее – возвращение к полю боя на стороне Отечества. Здесь наблюдается вновь противоречивость героя. Возможно предположить, что с одной стороны, он сможет обрести цели среди русских штыков и своего народа, принять какие-либо устоявшиеся порядки. С другой, – он останется непонятым и чужим в «своем» мире.

Хронотоп же Черкешенки представлен также тремя временами:

1. Прошлое – жизнь до встречи с пленником.
2. Настоящее – встреча с героем, душевные изменения. Ее поступок неоднозначен. Его можно рассматривать с нескольких сторон – как форму протеста романтического героя, как акт жертвенности любви и ее чистоты, как бегство из мира, где она окажется чуждой после предательства своей семьи и не принятой в России.
3. Будущее – неточно. Можно предположить, что смерть становится для нее истинным обретением свободы.

Жизнь человека, его личные переживания, представлены на фоне огромного исторического события – Кавказской войны, которые захватывает каждого, кто встретится ей на пути. Так, время конкретной частной жизни противопоставляется времени историческому.

Понятие пространства соотносится с понятием топоса, в одном из значений понимаемого как «место разворачивания смыслов» [Комкова 2014], которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства, как правило, открытым. Категория пространства, важная для любого текста, приобретает особое значение в контексте изучения «литературы путешествий», основанной на дихотомии «свое – чужое» [Стефко 2010]. Н. В. Черепанова, оперируя понятием «культурное пространство», приходит к закономерному выводу: «...путешествие – это перемещение (реальное или виртуальное) в чужое культурное пространство с целью выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности Другого» [Черепанова 2006: 13]. Пути выхода за обозначенные пределы за висят от субъективных границ чужого: это может быть «другое сакральное пространство, пространство других обычаев, праздников». В данном случае следует учитывать также и характер путешествия. В поэме «Кавказский пленник» герой оказывается вынужден отправиться в путешествие ради поисков. К тому же его гонит и чувство отчужденности.

Поэма «Кавказский пленник» не соотносится с литературой путешествий, однако в данном произведении ярко прослеживается мотив «свое – чужое». Но при таком делении, стоит уточнить, что границы этих двух миров довольно размыты для героя, так как он оказывается «своим среди чужих» и «чужим среди свои», оставаясь одиноким, а его романтическая отчужденность ощущается четче. Воспоминания о Родине одолевают его, мысли о прежней жизни «теснятся» в нем: «В нем теснились / Воспоминанья прошлых дней, / И даже слезы из очей / Однажды градом покатались...» [Пушкин 1937: 107] Он чувствует уединение с природой – «друг природы», – однако не может полностью воссоединиться с ней, бежит из плена, не найдя покоя и в отдаленном черкесском ауле: «Пред ним пустынные равнины / Лежат зеленой пеленой; / Там холмов тянутся грядой / Однообразные вершины; / Меж них уединенный путь / В дали теряется угрюмой: / И пленника молодого грудь...» [Пушкин 1937: 94]

Кавказ в поэме Пушкина выступает не только как географическое место, но и как символ дикой, первозданной природы, контрастирующей с цивилизованным миром. Пейзаж здесь живет своей собственной жизнью, он не подвластен человеку. Примером могут служить строки: «Престолы вечные снегов, / Очам казались их вершины / Недвижной цепью облаков, / И в их кругу колосс двуглавый, / В венце блистая ледяном, / Эльбрус огромный, величавый, / Белел на небе голубом» [Пушкин 1937: 98].

Глазами лирического героя описан быт черкесов: *«Меж горцев пленник наблюдал / Их веру, нравы, воспитанье, / Любил их жизни простоту, / Гостеприимство, жажду брани...»* [Пушкин 1937: 99]. Русский офицер восхищается их воинственным нравом и свободолобием: жестокий противник на поле боя, дома черкес становится гостеприимным хозяином. Наблюдая за кавказским народом, пленник вспоминает свою праздную жизнь и рефлексировать. В тексте поэмы нет внутренних монологов, движения души героя описываются: *«Таил в молчаньи он глубоко / Движенья сердца своего, / И на челе его высоко / Не изменялось ничего»* [Пушкин 1937: 103]. Однако, как уже подчеркивалось выше, он с «любопытством» осматривает нравы горцев и новые для него традиции и устои: *«Иль, любопытный, созерцал / Суровой простоты забавы / И дикого народа нравы / В сем верном зеркале читал — / Таил в молчаньи он глубоко / Движенья сердца своего»* [Пушкин 1937:103].

Любовь юной черкешенки во многом помогает герою понять свои истинные желания. Г. А. Гуковский считал этот образ центральным и писал: «...Черкешенка – общеромантическая героиня (идеал любви), слабо связанная в своем поведении и психике с характером и бытом ее народа: она ведет себя, скорее, как условно-романтическая дикарка или как руссоистская героиня культа свободы чувства, чем как восточная женщина» [Гуковский: 1965, 324]. В ходе событий становится очевидным, что разные по своей этнической принадлежности, представляющие различные «цивилизационные модели» центральные персонажи обнаруживают сходство в главном: мировоззренчески они принадлежат к одной аксиологической системе – той, где наивысшей ценностью признаются общечеловеческие ценности, которые стоят за пределами такого явления как война. Сострадание и жертва девушки спасают героя из плена, вынуждают его вновь начать размышлять: *«Не зрит он в мире ничего. / И вы, последние мечтанья, / И вы сокрылись от него...»* [Пушкин 1937:95] Любовь Черкешенки как высшее чувство толкает ее на отчаянный шаг ради спасения возлюбленного. Ее чувства чисты и не ждут благодарностей, так как исходят из глубин сердца.

Романтическая свобода, которую усердно пытался отыскать герой поэмы, становится иллюзией и разрушает две жизни. Более того, Черкешенка предлагает убежать в мир, где у них обоих не будет обязательств, в мир абсолютной свободы, но герой отказывается, предпочитая прошлое. Он возвращается к войне на стороне России, то есть, очевидно, к службе Отечеству. Оправдались ли поиски пленником истинной свободы? В данном вопросе нельзя прийти к единому однозначному выводу, однако можно утверждать, что плен изменил героя, он натолкнул его на более глубокие и противоречивые размышления и заставил задаться вопросами, которые еще не возникали в его мыслях на момент бегства на поле боя. Ему не удалось обрести абсолютную свободу ни в войне, ни в плену и, возможно, не удастся это сделать и вернувшись вновь к орудию, ведь отчужденность и внутренние противоречия сохраняются внутри героя.

Конец событий в поэме связан с образом реки, которую преодолевает герой, возвращающийся из плена. Этот образ появляется в самом начале поэмы, в «Черкесской песне», в которой возникает заключающий в себе особую семантику образ реки-границы, разделяющей свое чужое пространства. Как известно, в мифопоэтических представлениях река является границей, отделяющей мир живых от мира мертвых. Однако в пушкинской поэме два противоположных пространства не имеют определенной и однозначной маркировки: каждый берег таит в себе и ту и другую возможность. То, что вначале представлялось пленнику несомненной свободой (жизнью), обернулось пленом (смертью). Рабство как состояние физической неволи заканчивается для героя с момента возвращения домой: *«Взошла заря. Тропой далекой / Освобожденный пленник шел...»* [Пушкин 1937: 112]. Однако остаётся открытым вопрос об освобождении из духовного плена для лирического героя А. С. Пушкина.

Таким образом, в поэме А. С. Пушкина «Кавказский пленник» поднимается вопрос о поиске свободы, о борьбе человека с внешними и внутренними ограничениями. Лирический герой, находясь в плену, переосмысливает взгляды на жизнь. Его побег становится, однако, не путем к достижению свободы абсолютной, а лишь к усилению чувства отчуждения и неприятию мира. Он возвращается на Родину, где не будет принят и понят. Однако, нельзя отрицать и тот факт, что он сможет обрести иные цели и ценности среди русских полков, но нельзя и забывать – бегство из плен, как и идея отправиться на Кавказскую войну, не были продиктованы герою его истинным патриотизмом, а лишь желанием обрести абсолют свободы. В результате, можно сказать, что герой гонится лишь за «призраком свободы», упуская свободу абсолютную.

Автор с большим мастерством передает через образы и символы всю глубину человеческих переживаний, их противоречивость и неоднозначность, что делает эту поэму актуальной и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики — М.: Худож. лит., 1965. — 356 с.

2. Комкова А. А., Решетова А. А. Понятие «топос» в современном литературоведении // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: электронный сб. ст. по материалам XX студ. междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК. – 2014. – № 5(20). [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://www.sibac.info/archive/guman/5(20).pdf)
3. Кравченко В.Н. Братья Пушкины на Кавказе / Виктор Кравченко. - Ставрополь, 2013. - 120 с.
4. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. — М.: Аспект Пресс, 1995, — 384 с. — (Программа: Обновление гуманитар. образования в России). [Электронный ресурс]. – URL: <http://baratynskiy.lit-info.ru/baratynskiy/articles/mann-dinamika-romantizma/index.htm>.
5. Малявина, Г. И. Кавказ в культурном пространстве России: учебное пособие / Г. И. Малявина. — Ставрополь: СКФУ, 2015. — 141 с. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 4. Поэмы, 1817—1824. — 1937. — С. 89—118.
7. Стефко М.С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010. – 28 с.
8. Черепанова Н. В. Путешествие как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2006. – 19 с.
9. Шадури В. С. Пушкин и Грузинская общественность. Ред. М. Заверив. 1966.
10. North Caucasus in history of Russia: practical course: учебное пособие / составители М. Е. Kolesnikova [и др.]. — Ставрополь: СКФУ, 2023. — 125 с. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система.

REFERENCES:

1. Gukovsky G. A. Pushkin and Russian Romantics - M.: Art. lit., 1965. - 356 p.
2. Komkova A. A., Reshetova A. A. The concept of "topos" in modern literary criticism // Scientific community of students of the XXI century. Humanities: electronic collection of articles based on the materials of the XX student. international scientific-practical. conf. - Novosibirsk: SibAK. - 2014. - No. 5 (20). [Electronic resource]. - URL: [http://www.sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://www.sibac.info/archive/guman/5(20).pdf)
3. Kravchenko V. N. Pushkin Brothers in the Caucasus / Viktor Kravchenko. - Stavropol, 2013. - 120 p.
4. Mann Yu. V. Dynamics of Russian Romanticism. — M.: Aspect Press, 1995, — 384 p. — (Program: Renewal of Humanitarian Education in Russia). [Electronic resource]. – URL: <http://baratynskiy.lit-info.ru/baratynskiy/articles/mann-dinamika-romantizma/index.htm>.
5. Malyavina, G. I. The Caucasus in the Cultural Space of Russia: a tutorial / G. I. Malyavina. — Stavropol: SKFU, 2015. — 141 p. — Text: electronic // Lan: electronic library system.
6. Pushkin A. S. Complete Works: In 16 volumes. — M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937-1959. Vol. 4. Poems, 1817-1824. — 1937. — P. 89-118.
7. Stefko M.S. European travel as a phenomenon of Russian noble culture of the late 18th – first quarter of the 19th centuries: author's abstract. diss. ... cand. history sciences. – Moscow, 2010. – 28 p.
8. Cherepanova N.V. Travel as a phenomenon of culture: author's abstract. diss. ... cand. philosophical sciences. – Tomsk, 2006. – 19 p.
9. Shaduri V.S. Pushkin and the Georgian public. Ed. M. Zaveri. 1966.
10. North Caucasus in the history of Russia: practical course: study guide / compiled by M. E. Kolesnikova [and others]. - Stavropol: SKFU, 2023. - 125 p. - Text: electronic // Lan: electronic library system.